

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

УДК 159.964.28

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ФЕНОМЕНОВ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ТЕХНИКЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Маричева Анастасия Викторовна

**Кандидат психологических наук, доцент,
психолог-консультант, клинический психолог,
ведущий психотерапевтических и тренинговых
групп, доцент кафедры глубинной психологии и
психотерапии факультета психологии**

**Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», член МОО
ЕКПП (г. Симферополь)**

E-mail: tnu_anastasiya@rambler.ru

Статья освещает лингвистический подход к практике психодинамической психоаналитической психотерапии. Обозначены методологические основы техники диагностики психологической проблемы субъекта в соответствии с лингвистическими маркерами проявления феноменов бессознательного в дискурсе субъекта в процессе психоаналитической психотерапии.

Ключевые слова: психоанализ, психотерапия, диагностика, дискурс, бессознательное.

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

Введение. Историческая перспектива наглядно дает понимание того, что кризисные моменты развития человеческого общества на определенном культурном этапе его становления не только отмечены застоем либо торможением развития определенных форм человеческой практики, но и нередко отмечены бурным ростом и развитием тех ее областей, которые связаны с переосмыслением внутреннего мира человека, основ его человечности, этикой человеческого сосуществования и схожими гуманитарными аспектами.

Психотерапевтическая практика является одной из областей, где как на лакмусовой бумаге проявляются изменения не только индивидуального способа бытия субъекта, но и культурного фона, без учета которого ни один феномен либо симптом не может быть интерпретирован, также, как и фраза, вырванная из общего контекста, что делает процесс толкования ущербным и бессмысленным и не помогает приблизиться к истине субъекта, как причине переживаемого им проблемного опыта.

Разнообразные психотерапевтические подходы, каждый со своей стороны, пытаются «схватить» особую плоскость проблемного поля психологических исследований функционирования психического аппарата.

Формулировка цели статьи. Данная статья является иллюстрацией подхода, который исторически выкристаллизовался на протяжении всего времени существования исследований, проводимых на базе кафедры глубинной психологии и психотерапии за время ее существования и является, с одной стороны, эндемичным для крымской психологической традиции, а с другой – претендует на способность быть широко применяемым в качестве психотерапевтической метамоделей, имеющей психодинамическое и психолингвистическое основание.

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

Основное изложение материала. Стоит обозначить основные ориентиры, в рамках которых осуществляется как диагностика, так и психотерапевтическое взаимодействие аналитика и анализанта:

1. Основой для понимания функционирования бессознательных процессов выступает классический психоанализ З.Фрейда с расширением методологических принципов в психодинамических версиях и пересмотрах до модели структурно-аналитического понимания феноменологии бессознательного Ж.Лакана. На этом основании методы диагностики и терапевтического взаимодействия дополнены современными психолингвистическими исследованиями, учитывающими культурную специфику субъекта как языковой личности и принципы общего языкознания структуры и функции языка и речи.

2. Постулируется, что на уровне первичных аутоэротических отношений субъект существует в Реальном как чистое Бытие-в-себе, на втором уровне феноменологического Воображаемого он, благодаря нарциссизму, организует свой мир и тело как целостность, которую можно рассматривать как Бытие-для-себя, а на третьем уровне Символического, представленного универсумом культуры, ее законов и предписаний, субъект становится Бытием-для-других. В связи с чем его функционирование, как и возможные дисфункции в работе психического аппарата понимаются как эффекты интерсубъективной природы человеческого совместного бытия.

3. Основная особенность интерсубъективности заключается в ее принципиальной невозможности – с одной стороны, и к фундаментальному тяготению к ней субъекта – с другой, что и определяет его структуру, как некое место в аналитической топологии его жизненного пространства, данного в координатах означающей символической «сетки». То есть, структура субъекта

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

определяется тем, что являясь по сути «пустым местом» в системе межсубъектных отношений, он пытается сориентироваться в них, заняв определенное положение относительно трех векторов – собственного желания, материнской первичной символизации, определяющей его нарциссический образ, и вторичной символизации, опирающейся на «имя Отца», выступающей в форме «мета-языка», «мета-дискурса», задающего смысл и определяющего статус реальности/нереальности первичной материнской символизации.

4. Особенности интерсубъективности, включающие организацию активности субъекта в качестве манифестации, заявления о своей сущности, которая должна быть «увидена» и тем самым подтверждена Другим, задают специфическую «топографию» субъекта, включающую симптоматику, телесность, формы активности в качестве означающего, которое будучи принятым или отвергнутым Другим, получает возможность функционировать в качестве означающего, означаемым для которого выступает сам субъект.

5. Субъект определяет себя относительно Другого (референтных людей в его жизни в естественных условиях либо аналитика в ситуации психотерапии в искусственных условиях) опираясь на три структурообразующих фактора:

1. Свое бессознательное желание, как желание Другого, которое является всего лишь относительно удачной догадкой о том, к чему этот Другой вожделеет;

2. Свой симптом, который является способом имитации субъектом того, к чему предположительно вожделеет Другой;

3. Вторичная выгода от симптома, которая обладая парадоксальным характером, позволяет субъекту сохранить иллюзию независимости от произвольности Другого в актах сопротивления, противостояния и т.д.

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

6. Данные методологические положения воплощаются в особенности **аналитической техники** как технологии анализа бессознательных феноменов с опорой на лингвистические принципы анализа погруженной в жизнь речи – дискурса субъекта в рамках правил системы языка, реализующихся и разворачивающихся в ней.

Субъективная реальность субъекта строится в процессе символизации, то есть в процессе скольжения (движения) цепочек означающих над/под/вокруг означаемого, как слов-значений, связанных ассоциативной связью и образующих некоторые семантические пространства.

Когда эти цепочки пересекаются, становится возможным образование метафоры, то есть замещение в одной цепочке слова словом из другой – это метафора. Замещенное слово подавляется (вытесняется) таким образом, что ассоциативная связь с ним теряется, то есть, как бы вы не старались, но ваш анализант никогда его не назовет, продуцируя свободные ассоциации. Подавленное слово утрачивает ассоциативную связь, но взамен приобретает три связи – метафорическую (со словом заместителем), метонимическую - со всеми оставшимися в родной ассоциативной цепочке словами и оксюморонную – двойную связь бинарной оппозиции, определяющую точный смысловой контекст употребления подавленного означающего, сохраняющуюся «через» или посредством слова-заместителя. Например, «высокое-низкое» (давление) или «высокое-примитивное» (отношение) задают разный смысловой контекст для правильного толкования означающего «высокий».

Подавленное слово становится означающим бессознательного желания, и именно его мы и ищем в процессе анализа, а освобождение от симптома происходит в том случае, когда мы находим это означающее и тем самым освобождаем его от метафорического подавления, а ассоциативную цепочку - от

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

фиксации. В ином случае, субъект находит способ парадоксального совмещения противоположностей в одно новое целостное означающее, что мы можем видеть на примере создания неологизмов в речи детей или субъектов с истероидным типом организации личности, у которых симптоматика имеет яркое символическое значение, а симптомы парадоксально сочетают противоположное функциональное значение; и у них это встречается чаще, чем, например, у представителей депрессивного или обсессивного типа.

Опираясь на лингвистические маркеры проявления феноменов бессознательного в дискурсе субъекта в аналитической технике, мы движемся от «вехи» к «вехе» через определение структуры невротического симптома к определению периодичности реализации поддерживающего симптом бессознательному желанию и к фиксирующей эту конструкцию вторичной выгоде от симптома, позволяющей повторять процесс бессознательного удовлетворения вытесненного желания «снова и снова».

Под лингвистическими маркерами понимаются лингвистические тропы и реализующиеся в построении речи художественные стилистические формы организации речи, которые являются коррелятами бессознательных процессов, участвующих в артикуляции и символизации внутреннего опыта в лингвистических формациях дискурса субъекта. Как и общая стилистика дискурса, которая буквально отражает структуру организации Эго субъекта в связи с тем, что каждый бессознательных механизм, участвующий в построении и поддержании границ и целостности Эго структуры «слышится снаружи» в речи в устойчивом употреблении тропов.

Чтобы заранее снять возможные критические замечания относительно того, что только эго-психологи в своей технике используют типизацию проблем, черт, симптоматики и т.д., а представители иных форм развития психоанализа

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

имеют тенденцию индивидуализированного подхода к уникальным индивидуальным проявлениям бессознательного психического конкретного субъекта, поэтому технология не применима к этим направлениям, заметим, что это не так, вернувшись к основам – к классическим положениям З. Фрейда.

Фрейдовские механизмы сгущения, смещения, олицетворения, гиперболы и др., описанные им в «Толковании сновидений», затронутые в «Остроумии и его отношении к бессознательному», очерченные на страницах «Психопатологии обыденной жизни» и иных его текстах, в практической работе мы видим постоянно в сновидениях наших анализантов как и в культурных артефактах живописи и кинематографии, которые описывают образы кентавров или сувенирную куклу матрешки как сгущение смысла в одном символе, или цепь на дубе, которая сама по себе может и быть символом, но сразу у любого носителя русского языка вызывает желание дополнить картинку морем, говорящим котом и русалкой на ветвях дуба и тем самым является смещением смысла, или говорящую лисицу как олицетворение хитрости и обмана и т.д. Мы видим работу этих механизмов в пиктограммном образном языке сновидения, трактуем их исходя из личностного смысла анализанта с учетом культурного контекста его опыта, продвигаясь шаг за шагом «по царской дороге к бессознательному». Так, как будто в дневное время ни одной тропки, кроме ставших классическими техник работы со свободными ассоциациями, образами фантазии и анализом поведения в переносе, не существует.

Ценность предложенной Ж. Лаканом техники как раз заключается в том, что он указал на существование целого спектра «тропок», а именно – тропов, в которых описанные З. Фрейдом механизмы не «видятся», а «слышатся»:

сгущение – в используемых метафорах, равно как и в способах отрицания, в описании симптомов конверсии;

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

смещение – в местоимениях, перифразах, метонимиях, анафорах и эпифорах, равно как и в уходе от ответа, описании признаков вместо объекта или ситуации, канцелярской речи, выдающей изоляцию аффекта, повторения в которых провалена попытка аннулирования;

чередование гипербол и литот в нарциссических качелях идеализации-обесценивания;

поворот против себя в иронии и реактивное образование в сатирических скетчах;

россыпь проекций в олицетворениях различного толка от «со мной случилась ситуация» до «я остался один на один с гнетущей тишиной, которая меня убивает», через незаметную привычную интроекцию сравнения «я как ответственный/безответственный, влюбленный/ненавидящий» и т.д.

к еле-еле заметной и трудно уловимой реверсии, прячущейся в смене активного и пассивного залога, к долгой паузе аутистического ухода...

Аналитическая виньетка. Анализантка, обратилась с запросом выяснить причину эго-дистонного переживания себя, своего места в жизни, некоторых возникающих у нее мыслей и образов, которые она не понимала и которые, по ее мнению, мешали ей переживать жизнь в ее полноте. Она была материально обеспечена, находилась в повторном благополучном браке, воспитывала благополучного здорового ребенка, имела возможность заниматься любой творческой деятельностью и была окружена внешними признаками полного благополучия. Выявленные в анамнезе события детства и юности содержали травматический опыт, но он был символизирован, самостоятельно переработан, некоторые аспекты легли в основу ее творческой активности и быть основанием неспособности интегрировать жизненное благополучие этот опыт мог. После понимания и принятия факта того, что актуализированные аспекты прошлого не

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

содержат никакой возможной травматизации, которую фантазировала себе анализантка, ей приснилось сновидение. (При краткой передаче содержания сновидения употребляемые означающие максимально сохранены)

*Она обнаруживает себя в странном месте, маленькое ограниченное пространство, помещение, выхода из которого она не видит. В помещении находятся **три** кровати, на которых лежат **три** обнаженных женщины с эрегированными пенисами, и она должна поддерживать с ними вежливую уважительную беседу, выказывая готовность угождать если потребуется, хотя ей это положение очень неприятно.*

Можно предположить, что читающие данный текст аналитики сейчас улыбнутся, опознав настолько четкий и точный символ тех теоретических представлений, которые были описаны в «Трех очерках по теории сексуальности» З. Фрейда, где можно найти первоначальные представления о фаллической матери, согласно которому ребенок мужского пола не в состоянии догадаться о равноценном типе устройства половых органов и поэтому выдвигает предположение, в соответствии с которым все люди, включая мать, обладают таким же пенисом, какой есть у мальчиков, что подчеркивает роль и значение до-эдипальной матери в психическом развитии ребенка. Но у нас в анализе женский субъект. Мотив обладания фаллосом после появляется на фаллической стадии в условиях формирования истероидного женского субъекта в эдиповой триангуляции и зависти к пенису как внешнему атрибуту обладания фаллосом как символом силы, власти, свободы, творчества, потенциала и т.д., но наша анализантка без истероидного фаллического компонента в структуре личности и выглядит скорее депрессивной, а в материале отсутствуют признаки зависти или страха перед мужчинами, также, как и желание самоутверждения в рамках переживания своей неполноценности. Поэтому, мы оставляем в качестве

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

предположения наличие жестких ригидных до-эдипальных структур будущего Супер-Эго, прообразом которых выступает до-эдипальная мать, совмещающая отцовские и материнские атрибуты, чьи распоряжения не столько закон, сколько смертельное иррациональное табу, которым невозможно сопротивляться и которое обладает абсолютностью и тотальностью без учета контекста его применения.

Можно было обратиться и к культурному контексту, что мы и сделали, как и З. Фрейд, который приводил в пример египетскую богиню Мут, которая в храме Хонсу в Карнаке представлена в итифаллической форме как женщина с эрегированным фаллосом – единственная среди египетских богинь. Но только как ипостась богини в облике чудища Мут-Сехмет-Бастет, у которого были два крыла, львиные когти, половой член и три головы: женщины, львицы и стервятника (из «Книги мертвых», экземпляры XXI династии). Данный образ замечательно «схватывал» образ сновидения.

Обращение к архиву культуры как Символического дало больше вариантов для диагностики недостатка агрессивности в жизни анализантки. Она не способна была часто отказывать в просьбах, а переживание раздражения или агрессивности буквально переживались как «убивающие ее». В рамках мифологической параллели души мертвых могли призвать ужасное божество Мут-Сехмет-Бастет, так, как только в этой ипостаси присутствовал фаллос, чтобы оно спасло их от мучительной смерти, когда они подвергались осуждению за несправедную земную жизнь. Так и анализантка могла проявлять агрессивность только если защищала кого-либо из ее окружения, но не себя.

Но такой особенностью она обладала и до появления симптома, лежащего в основе первоначального запроса.

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

Стилистика дискурса анализантки изобиловала сравнениями (интроекция), гиперболами (идеализация), аллегориями (регрессия), частым употреблением пассивного залога (реверсия), иронией (поворот против себя), частым отстраненным описанием событий, мест людей с употреблением существительных в ущерб описанию эмоций, отношения или действия с редким употреблением прилагательных, эпитетов и наречий. Вышеописанное соответствует клинической картине депрессивной динамики, которая в большей степени обусловлена характерологически и предположительно обострилась текущей наличной ситуацией, описать которую клиентка была не в состоянии, потому находилась в поиске причин в прошлом и ожидала, что я должна сделать что-то буквально волшебное и догадаться сама, что же именно ее тревожит, по какой причине ей плохо.

Анализ дискурса анализантки дал следующие «вехи» для дальнейшего продвижения: она **обнаруживает себя** не в том месте, не там, где чувствует свое место, не в эго-синтонном состоянии (запрос). Она **помещена** (то есть, против воли, не сама) **в ограниченное** (это сгущение, а значит - метафора – ограниченное - недалекое, тупое, глупое, недоразвитое, ущербное) **место-помещение**, из которого **нет выхода**.

Почему ограниченное место-помещение - это сгущение и его нужно рассматривать как метафору? Потому что оно состоит из сгущенных образов - **три кровати, три обнаженных женщины**. Тот факт, что они с **эрегированными пенисами**, не вызывает у анализантки никаких ассоциаций.

Чтобы понять, почему сгущение использует цифру три, нужно определить, где в материале клиентки находится сгущение-метафора, которая демонстрирует симптом, а где смещение-метонимия, которая демонстрирует желание, которое не находит удовлетворения, и где наконец вторичная выгода-оксюморон – то,

что З. Фрейд называл парадоксальной природой бессознательного – «слепым пятном» или «пупком сновидения», сопротивляющегося интерпретации.

*Несколько отойдя от материала нужно дополнить теоретическое представление о механизме, коррелятом которого выступает оксюморон как лингвистический троп. Мы помним, что спецификой поведения истерика в отношении своего желания выступает тот непреложный закон, в соответствии с которым он себя ведет так, как если бы его бессознательное желание уже реализовалось, а его вытесненный страх по поводу не наступившего события настолько реален, как если бы оно уже наступило, в соответствии с чем ему характерен эксклюзивный механизм противофобической реакции, который, к слову сказать, также характерен психопатическому типу, склонному свои фантазии путать с реальными событиями и ситуациями и который в этом аспекте ведет себя схожим образом, при котором желаемое-страшное уже существует. Это не значит, что этот механизм только у этих двух типов личностных структур реализуется, но у них он явно более используем и потому заметен. Данное отступление нужно для того, чтобы поставить знак эквивалентности: вторичная выгода это и оксюморон и противофобическая парадоксальная реакция.

Возвращаясь к материалу сновидения – положение в котором нужно угождать анализантке неприятно, и она обнаруживает себя в странном месте – эти лингвистические конструкции по абсолютно эквивалентны друг другу по форме. Также по смыслу они эквивалентны таким вариациям как: она *не обнаруживает себя в хорошем, знакомом, не странном, своем* месте и положение, в котором *не нужно угождать приятно*. Эти предложения построены с помощью тропа метонимии для смещения и искажения этим первоначального смысла.

*Например, я не хочу вам говорить, что я разочарована прочитанной книгой, автором которой вы являетесь, я говорю, что я прочитала вашу книгу и в ней просто очаровательные иллюстрации, естественно это отсылает к факту того, что я ее читала, очарована иллюстрациями, очарована ли содержанием из дискурса выпадает и даст бог вы не станете этого уточнять.

Теперь мы понимаем, что запрос анализантки, содержащий жалобу на симптом как она его переживает – я не на своем месте, это место не мое и я помещена туда против воли, я пассивна - содержит описание места как метафору – это ограниченное - недалекое, тупое, неразвитое и т.д.

Также мы предполагаем в чем желание анализантки – желание перестать угождать, быть активной, проявлять агрессию в рамках защиты границ и в достижении желания. Почему она не может не угождать и не может быть активной и агрессивной и переживает свое благополучие как нечто эго-дистонное? Какая вторичная выгода удерживает наличие данного симптома?

Центральное место сновидения: **три кровати, три обнаженных женщины с эрегированными пенисами**, которое ускользает от интерпретации в связи с тем, что свободных ассоциаций у сновидицы нет - парадоксально. Оно одновременно и буквальный знак-метка и абстрактный культурный наполненный многими оттенками смысла многозначный символ.

1. Как символ мы его рассмотрели в аспекте табу агрессии в жизни сновидицы: триединая три-лика фаллическая женщина, до-эдипальная мать, соединяющая в себе признаки отца и матери, первооснова запретов (в том числе и на агрессию) для формирования в фаллическом периоде будущей структуры Супер-эго, на пред-эдипальной стадии носящей тотальный, неразумный и нелогичный характер полного и абсолютного запрета, без гибкости и исключения из правил.

2. Как буквальный знак-метка – это три половых члена/в народе – «хрена» или «*уя», а место, где оказалась сновидица – это тупое, ограниченное, недалекое «хреновое» или «*уевое» место.

Нужно сказать, что вышеописанные пространные размышления приведены уже постфактум. В процессе анализа при применении техники

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

лингвистического анализа дискурса отмечаются включения тропов, фиксируются метафоры, метонимии, конструкции оксюморона. Все происходит в процессе реализации живого дискурса. В связи с чем, как только символ фаллической женщины был рассмотрен в контексте запрета на агрессию у депрессивного субъекта и найдено парадоксальное место сновидения, которое практически не схватывалось свободными ассоциациями, мы получили возможность дать интерпретацию, символизировав эту часть, опираясь на лакановский принцип «означающее как означающее»: «Правильно ли я понимаю, что вам приснилось очень плохое место, прямо-таки сказать «трижды хреновое»?»

Интерпретация была принята с демонстрацией аффекта удовольствия, отсмеявшись, она сообщила: «Знаете, что самое забавное? Мой поселок называется «Зуя'», и я его поэтому постоянно называю «три у'я» ...

Знаете, мне как-то не пришло в голову, я реально живу в симферопольском районе в поселке, недалеко, который для жизни обеспеченного человека очень хорош, но только если он там только отдыхает, а работает как мой супруг в другом месте. Никакой особой инфраструктуры там нет, ребенка водить некуда, вплоть до того, что мы занимаемся благотворительностью постоянно: площадку, чтоб ему было где интересно играть с другими детками в детском садике мы сами сделали, у нас есть возможности, спортивную секцию мы фактически укомплектовали там тоже, но люди там такие, какие должны быть в селе, говорить с ними не о чем, у них дети хорошие, но такие же вот. У меня полный гардероб всего, а я хожу в трениках, чтобы не выделяться. У меня море ресурсов и возможностей, а реализовать их там негде, пока ребенок маленький это не заметно, но он растет. Самое отвратительное, что мне нужно с ними, с людьми там, в очереди или на улице, или с мамами в садике общаться, я тупею, меня они

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

раздражают дико, а я улыбаюсь, даже подлизываюсь часто, они же не виноваты. Сказать мужу давай купим что-то в городе и переедем я не могу, как будто я с жиру бешусь, у нас же все есть, а на фоне других даже больше, чем надо.

Получается, что я не жалуюсь мужу словами, что меня это достало так, что все, что у нас есть меня не радует совсем, он просто наблюдает как мне плохо на ровном месте и не может никак догадаться, чего мне не хватает, а я жду, когда сам догадается и мы оттуда уедем, а не говорю, чтобы он не подумал, что я не ценю то, что есть, я его очень люблю.»

Выводы. Лингвистический подход к практике психодинамической психоаналитической психотерапии эффективно применим в качестве психотерапевтической метамоделей, имеющей психодинамическое и психолингвистическое основание.

Методологические основы техники диагностики психологической проблемы субъекта в практике оказания психологической помощи опираются на лингвистические маркеры проявления феноменов бессознательного в дискурсе субъекта в процессе психоаналитической психотерапии.

Так как представленная технология является метамоделью, она может быть применима в любом психодинамическом подходе и позволяет избежать механического понимания глубинных аспектов внутреннего опыта субъекта, которое накладывается спецификой той парадигмы, к которой принадлежит аналитик, позволяя видеть живое движение бессознательных механизмов, задействованных в символизации и семиозисе опыта субъекта, без тенденции усматривать в материале его опыта ставшие «классическими» для конкретного подхода схемы и образы.

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

Литература:

1. Калина Н. Ф. Основы психотерапии: семиотика в психотерапии: учебное пособие / Н. Ф. Калина. - М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 1997. – 264 с.
2. Калина Н. Ф. Лингвистическая психотерапия [Текст]: научное издание / Н.Ф. Калина. - К. : Ваклер : Альтерпрес, 1999. - 282 с.
3. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе/Ж. Лакан. -М.: Гнозис, 1995. -101 с.
4. Лакан Жак. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда/Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой (Значение фаллоса). -М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. -184 с.
5. Маричева А.В. Психолингвистическая психодинамическая психотерапия. Монография. - Краснодар, Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2016. -272 с.

Спецвыпуск материалов региональной научно-практической конференции «Психология и психотерапия в Крыму: перспективы и пути развития» // Психология и педагогика в Крыму: пути развития [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4 – 161 с. – Режим доступа – Url: <https://psikhologiya-v-krimu-puti-razvitiya.online/arhiv-vypuskov-zhurnala/2021/no4-2021-sp>

UDC 159.964.28

LINGUISTIC MARKERS OF THE PHENOMENON OF THE UNCONSCIOUS IN THE TECHNIQUE OF PSYCHOANALYTIC PSYCHOTHERAPY

Maricheva Anastasia Viktorovna

Candidate of Psychology, Associate Professor, Consultant Psychologist, Clinical Psychologist, Leading Psychotherapeutic and Training Groups, Associate Professor of the Department of Depth Psychology and Psychotherapy of the Faculty of Psychology of the Taurida Academy (structural unit) of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation, member of the IOO ECPP (Simferopol)

E-mail: tnu_anastasiya@rambler.ru

Summary. The article highlights the linguistic approach to the practice of psychodynamic psychoanalytic psychotherapy. The methodological foundations of the technique for diagnosing the psychological problem of the subject are outlined in accordance with the linguistic markers of the manifestation of the phenomena of the unconscious in the discourse of the subject in the process of psychoanalytic psychotherapy.

Keywords: psychoanalysis, psychotherapy, diagnostics, discourse, unconscious.